

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

...Вернулся в Одессу, и со мной вернулись Роман Карцев и Виктор Ильченко. Если кто-нибудь не понял эту фразу, я повторяю: со мной вернулись в Одессу Роман Карцев и Виктор Ильченко, хотя их никто не увольнял. В Одессе мы создали Театр миниатюр. Там грянула холера. Город был оцеплен карантинном, репертуарная комиссия из Киева не смогла прилететь, и мы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В те годы всюду к сатире относились подозрительно, а в Киеве в ней видели источник всех бед и неурожаев, и мы бежали путем конкурса в Московский театр миниатюр. А мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал, кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся...

ПОЧЕМУ МНЕ ТАК ЧАСТО КАЖЕТСЯ

Почему мне так часто кажется, что они ошиблись. Они выдали паспорт не тому человеку. Просто не может быть... Сорок лет, и зовут Миша... И внешность — это все не мое. Должен быть где-то такой человек, которому это все предназначалось. Мне сейчас, по моим расчетам, что-то около двадцати восьми. Брюнетик. Среднего роста. Худенький. Глаза на все лицо. Довольно мускулистенький. Быстрый. Безо всякого морского прошлого. Я что-то закончил юридическое или географическое. Я более злой. Более четок и пунктуален. Обязателен более... Подвижен... Зовут не Миша, а Юра меня.

Я не пишу эту всякую чушь, я что-то читаю... И хожу окруженный студентами, хотя для двадцати восьми это и рановато, но я, вероятно, очень способный.

И все-таки главное — это другая внешность, и возраст, и имя. А если это все мое, то я занимаюсь не своим делом и мне еще предстоит поискать, хотя возраст для поисков неподходящий. Если я действительно не своих лет, почему мне

так трудно с молодыми? Почему я облегченно вздыхаю, увидев обрюзгшую лысую физиономию с яркими признаками перепоя или пародонтозно-склеротической тоски, с шумами в сердце и свистом в легких. Куда я к этой развалине такой молодой и кудрявый? А эта развалина ко мне? И нас не оторвать. То ли он сейчас приступает к лечению того, от чего я вылечился. То ли я заболеваю тем, что у него уже было.

Если я молодой и сильный и меня зовут не Миша, почему от меня шарахается молодежь и весь дамский танец я непринужденно разговариваю, чтобы не замечать, как меня не приглашают?

Почему же я, такой молодой, не присоединюсь к этим троицам с гитарой, а пробегая, озабоченно хмурясь? И с маленьким котенком, забежавшим согреться, мне скучно через сорок пять минут. И если я такой молодой и красивый, почему задыхаюсь и вместо лыж опять сижу дома, и копаюсь, и вспоминаю?.. И работу, и знакомых, и людей, людей, людей...

Откуда же у меня так много людей, если мне так мало?

И почему мама так постарела, Господи?..

И почему отец уже умер, и отчим?.. И даже... И даже... мои одноклассники.

Нет. Очевидно, они не ошиблись, выдавая мне паспорт.

Да. Я примерно тот, что там указан...

Может быть, кроме внешности, имени и немножко все-таки возраста.

Да бог с вами, я довоенный... Но у меня есть своя радость.

Встретить другого такого престарелого сорванца, который думает, что они ошиблись. И объяснить с полным знанием дела, что такие ошибки бывают.

Я просто знаю одного такого, ошибочного.

КАК Я ПИШУ?..

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что, перестань писать, — много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит: «И где это вы темы берете?»

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю, потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта. До Москвы тоже час. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать... Ну, там, лысый, длинноносый. Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел,

тоже не стоит повторяться. К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь. Одет в серое, так что хожу вдоль стен. Куда-то тороплюсь, хотя на сером свехру не виден. Начитан слабо. На вечеринках молчу, дабы было что печатать. Дома ничего не делаю — отсюда прозвище Квартирант. Давно не танцевал, особенно — темпераментно, ярко, с мычанием и подкатами. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

ЖЛОБСТВО — ЭТО НЕ ХАМСТВО

Жлобство — это не хамство, это то, что образуется от соединения хамства и невежества с трусостью и нахальством.

Жлобство, простите, так присущее многим из некоторых, которых мы часто встречаем порой и страдаем от этого.

От голода голодаем, от болезни болеем, от холода мерзнем, от жлобства страдаем.

Если, конечно, вам не повезло и вы тихий, вежливый, исчезающий от прозвищ и частых упоминаний матери...

Поздравим себя — все меньше удовольствия хаму, все уже поле его деятельности.

Наша берет.

В чем был его кайф?

Изрыгнуть внезапно, чтоб у всех отвисла челюсть и попадали руки.

Чтоб посинели лица в безумных поисках ответа.

Было такое.

В пору пребывания в толпе мягких, воспитанных дам-с, юристов-с.

Но, слава богу, эти времена прошли.

Теперь хам получает повсеместный ежедневный отпор.

Бледнеть некому-с.

Хрупкая скрипачка в автобусе оборачивается и врезает между ртом и глазом матросу-сантехнику так, что тот на глазах корежится, жухнет, пускает жуткий синий дым и сваливается в сугроб.

Две нежные школьницы самого субтильного возраста и вида так шарахнули матом в ответ на короткое слово дремучего алкоголика, сопровождающее предложение отойти, что, не дослушав полностью ответ девочек и получив портфелем с коньками по голове, мужчина сошел через закрытую дверь.

Поздравим себя — публика перестала распадаться на выступающих и слушателей. Едины все участники дорожного движения.

Наличие в руках фагота или Ромена Роллана не дает хаму возможность надеяться, что перед ним интеллигентный человек.

Усиленные занятия карате и знание мата без словаря приближает час всеобщего трамвайного равенства.

Нерадивость породила дефицит, дефицит — воровство, воровство — хамство, хамство — нерадивость, которая породила дефицит. Отсюда и выход из замкнутого круга, который должен быть, но его надо искать.

А пока в преддверии исчезновения хама как отдельной личности его успешно заменяет отдельный коллектив.

ТРУДНОСТИ КИНО

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получаются ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит — еще ничего, а как рот откроет — так пока не идет. Или там собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И, видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость — так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень». А когда откроется, так еще пока не доносит — вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.